

*Тому Спэнбауэру
с благодарностью и уважением*

ОТ АВТОРА

В этой книге вы найдете советы и истории многих выдающихся людей. Их имена я обязательно упоминаю в тексте, но двоих хочу указать здесь: это Уэс Миллер, который редактировал мою рукопись для издательства «Гранд централ», и Скотт Элли, который вычитал ее годом ранее и нашел художника-иллюстратора для татуировок с цитатами. Без помощи этих людей книга получилась бы куда менее полезной.

Отдельную порцию благодарностей заслужили Сара Рейнхарт — она помогала мне работать с иллюстрациями, и художник Тоби Линвуд из портлендской студии «Тату 34». Захотите сделать себе татуировку, не бейте что попало. Обратитесь к Тоби.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большую часть жизни я не следил за состоянием своих счетов и горько за это поплатился — когда узнал, сколь мало мне удалось скопить. Какой мизер я нажил за долгие годы.

Пока чеки проходили, я даже не пытался выяснить, сколько именно жалких грошей лежит на моем счету. По той же причине я откладывал работу над этой книгой — боялся узнать, какое ничтожное количество полезной информации я способен предложить читателю. Каким тупицей остаюсь после стольких лет неустанного писательского труда.

Образование у меня кухонное высшее, а получал я его главным образом на кухнях таких писателей и редакторов, как Андреа Карлайл, Том Спэнбауэр, Сюзи Вителло и Челси Кейн. Учусь я с 1988 года по сей день. Ни диплома, ни выпускного мне не светит.

Сначала я записался на курсы писательского мастерства к Андреа. Вместе со мной их посещали другие славные люди. Спустя пару лет Андреа отвела меня

в сторонку — на той неделе я как раз сдал ей сцену с описанием полового акта: молодой человек занимается любовью с медленно сдувающейся резиновой куклой из секс-шопа (кстати, пятнадцать лет спустя эта сцена вошла в роман «Снафф») — и сообщила от имени остальных участников семинара, что мое творчество их пугает. Им беспокойно рядом со мной. В утешение Андреа предложила поучиться у другого писателя, Тома Спэнбауэра, недавно переехавшего в Портленд из Нью-Йорка.

Том. У Тома все было иначе. Мы встречались в заброшенном доме, который он купил с целью отремонтировать и привести в порядок. Нарушая требование желтой таблички «НЕ ВХОДИТЬ. ОПАСНО», припиленной к двери, мы уже чувствовали себя уголовниками. Бывший хозяин дома затянул стены прозрачным целлофаном и поддерживал внутри теплую влажную атмосферу, необходимую для его обширной коллекции орхидей. Дом прогнил насквозь: далеко не все половицы могли выдержать человеческий вес. Писательница Моника Дрейк вспоминала, как впервые приехала к Тому на занятие и обнаружила, что оба крыльца развалились. Она бродила вокруг дома и пыталась понять, как ей подобраться к дверям, висевшим высоко над захламленным и заросшим сорняками двориком. С тех пор этот немислимый прыжок над битым стеклом и ржавыми гвоздями всегда символизировал для нее трудности, которые необходимо преодолеть начинающему писателю на пути к профессионализму.

Том сказал, что расчистка двора от ежевичных зарослей и мусорных куч сплотит нашу команду. Мало было приносить ему работы на проверку; по выходным он обязал нас копаться в ржавых консервных банках и кошачьих трупах, сгребать это все в мешки и вывозить на свалку. Что мы, двадцатилетние, знали тогда о жизни? На обед Том делал нам клеклые сэндвичи с тунцом.

Сами занятия проходили в чуть более традиционном ключе. Именно что «чуть». Если у кого-нибудь случался творческий затык, Том мог погадать нам на китайской книге перемен «И-цзин» или порекомендовать своего любимого ясновидящего из Сиэтла. Он приглашал на занятия других писателей — Питера Кристофера и Карен Карбо, например, — которые учили нас тому, чему он научить не мог. Это была не столько учеба, сколько диалог, и мне хочется, чтобы моя книга тоже стала таким диалогом. Я делюсь в ней не только собственными соображениями, но и опытом своих учителей и их учителей, вплоть до пещерного человека. Эту книгу можно сравнить с цветочной гирляндой, уходящей в прошлое и будущее, — на веревочку нанизаны наблюдения нескольких поколений писателей. Кто-то должен был их упорядочить и собрать воедино, так пусть это буду я.

Впрочем, меня терзают сомнения.

Я решил на создание этой книги после Худшего Писательского Семинара В Истории Человечества. Вел его один редактор с западного побережья, который общается со студентами по электронной почте. В своих

глянцевых рекламных буклетах он предстает эдаким Редактором от Бога и перечисляет имена множества легендарных писателей, которых вытащил из болота безвестности и привел к славе.

Желающие приобщиться к великой мудрости должны были заранее перевести на счет Редактора от Бога несколько тысяч долларов. А тот заявлялся на три дня в принимающий город, селился в самом роскошном отеле и проводил занятия в конференц-зале. Понятное дело, что такие мастер-классы могли позволить себе лишь состоятельные люди. В основном жены бизнесменов и парочка университетских профессоров для разнообразия. Ну, и я. Учеба строилась следующим образом: ученики собирались вместе и по очереди зачитывали вслух свои работы. Редактор от Бога тяжело вздыхал и просил собравшихся прокомментировать услышанное. И так все три дня.

Подобная стратегия позволяла ученикам почувствовать себя умными, а Редактору от Бога — тянуть время и ничего не делать. Мнений о своей работе ученики получали с лихвой, а практических советов не получали вовсе. Оппоненты схлестывались не на жизнь, а на смерть; в ходе долгих оживленных прений Редактор от Бога обновлял списки адресатов, проверял сообщения на телефоне и мудро кивал.

За минуту до конца семинара Редактор вносил свою лепту, произнося какую-нибудь сакраментальную фразу в духе: «Вы проявили себя внимательным и тонким наблюдателем, так держать. Эта работа может лечь в основу романа». Или: «В вашем творчестве

чувствуются задатки [тут вставить имя какого-нибудь покойного писателя, которого якобы открыл и вознес на вершину славы наш Редактор: Хемингуэй, Фолкнер, Гарриет Бичер-Стоу]. Прошу вас, продолжайте писать».

Потом все радостно жали друг другу руки и льстили направо и налево. К обеду воскресенья Редактор от Бога успевал погладить по головке каждого из двадцати пяти учеников, не предоставив нам ни крупицы полезной информации, и покидал город с сорока тысячами долларов в кармане.

Поучаствовав в этом безобразии, я и задумал написать книгу. Когда-нибудь. Жесткое, но справедливое практическое руководство для молодого писателя, в котором будет масса практических советов — больше, чем на семинарах дюжины гуру, дерущих втридорога за свои секреты писательского мастерства. Однако я в сомнениях.

Главным образом мне не дают покоя мертвецы. Вспоминая тех, кто мне помогал, — книготорговцев и коллег-писателей, — я сознаю, что многих уже нет с нами. Я рад, что знаком с таким количеством прекрасных людей, но у этой медали есть обратная сторона: я часто хожу на похороны. В книге мне придется отдать дань уважения многим покойникам. А это очень непростое и невеселое дело.

Еще мне мешает мысль о своем лучшем учителе. Увы, когда я это пишу, Том Спэнбауэр больше не учит писательскому мастерству. Говорит, что чувствует себя мошенником. Тридцать лет подряд он свято верил, что простые люди — ребята из простых семей, которые

каждый день ходят на самую обычную работу, — способны писать великие книги. Многие из его учеников стали успешными авторами, включая Монику Дрейк, Стевана Оллреда, Джоанну Роуз, Дженнифер Лаук и меня. Однако его собственный писательский дар зачах, и потому он считает себя не вправе учить людей.

Есть еще один фактор. Здоровье Тома оставляет желать лучшего. Но это слишком личная тема, и я не хочу ее здесь поднимать.

Том поделился с учениками массой эффективных литературных приемов, которые позволяют любому писать лучше — причем сразу. Сам он многому научился у знаменитого редактора и писателя Гордона Лиша. Том показывал людям — пока еще читателям, как равняться на величайших авторов. Он знакомил своих учеников с редакторами и агентами. Все это он делал у себя в заброшенном доме начиная с 1990 года, беря за занятие по двадцать долларов с человека. При этом ему хватает совести переживать, что у его учеников мало шансов на выживание в мире литературы.

А теперь вспомните Редактора от Бога, мастер-классы которого стоили тысячи долларов и который плевать хотел на своих учеников. Он общался с людьми в течение трех дней, заверял их, что они гении и весь книгоиздательский мир вот-вот ляжет к их ногам, а потом исчезал — и больше никто его не видел.

В этой книге я хочу быть пессимистом.

Если уж вы решили посвятить жизнь писательству, никакие мои слова вас не остановят. А если нет, никакие мои слова не сделают из вас писателя.

* * *

Итак, если бы вы пришли ко мне и попросили научить вас всему, что я умею, я сообщил бы вам, что книжная индустрия вот-вот отбросит коньки. По мнению Брета Истона Эллиса, литературный роман как культурное явление давно отжил свое. Вы опоздали. Пираты уничтожили наши шансы на достойный заработок. Те, кто раньше читал, теперь смотрят кино, сериалы и играют в компьютерные игры. Я сказал бы вам: «Сынок, иди-ка ты лучше домой».

Человек не рождается писателем. Рассказчиком — да. Но становясь автором, вы начинаете искать других писателей, как вампир Энн Райс искал себе подобных. Вам нужен ментор. В этом смысле мне повезло. Мою первую книгу одобрили четыре замечательных писателя: Роберт Стоун, Кэтрин Данн, Том Джонс и Барри Ханна. Помню, как подкарауливал их под видом молодого автора, желающего выразить свою признательность. Стоун приехал в Портленд на круглый стол, посвященный творчеству Зельды Фицджеральд. Когда мы встретились в гостинице «Хисман», он сказал: «Проверку временем проходит только гранит. И слова».

В каком-то смысле эта книга — памятный альбом, посвященный моей писательской судьбе. Здесь найдется место разным историям: начиная с того, как я бродил по барселонскому блошиному рынку с Дэвидом Седарисом, и заканчивая встречей в «Коньяке» с Норой Эфрон за несколько месяцев до ее смерти.

Роберт Стоун.

На затравку

Про эпизодическую переписку с Томом Джонсом и Айрой Левиным тоже расскажу. Да, в свое время я подкараулил немало менторов — и у всех кланчил советы.

Таким образом, если после первого разговора вы все же вернетесь ко мне и попросите научить вас умумазуму, я скажу, что писателю мало иметь талант и навыки. Знал я немало даровитых писателей, которые не удосужились закончить ни один проект. И тех, чьи блестящие идеи так и не увидели свет. А еще тех, кто написал одну-единственную книгу и был настолько разочарован процессом, что больше не вымучил из себя ни строчки. Я бы вспомнил слова Джой Уильямс, которая считает, что писателю необходимо иметь живой ум, чтобы родить блестящую идею, а также упертость и терпение, чтобы изучить материал, навести все необходимые справки, набрать текст, вычитать его раза два, потом просмотреть гранки, дать сотню интервью и написать пару промоматериалов, а в конце концов объездить дюжину городов с автограф-сессиями и подписать тысячи и десятки тысяч экземпляров новой книги...

Потом я скажу вам: «Все, кыш с моего крыльца».

А вот если вы вернетесь в третий раз, я скажу: «Сынок... Не говори, что я тебя не предупреждал».